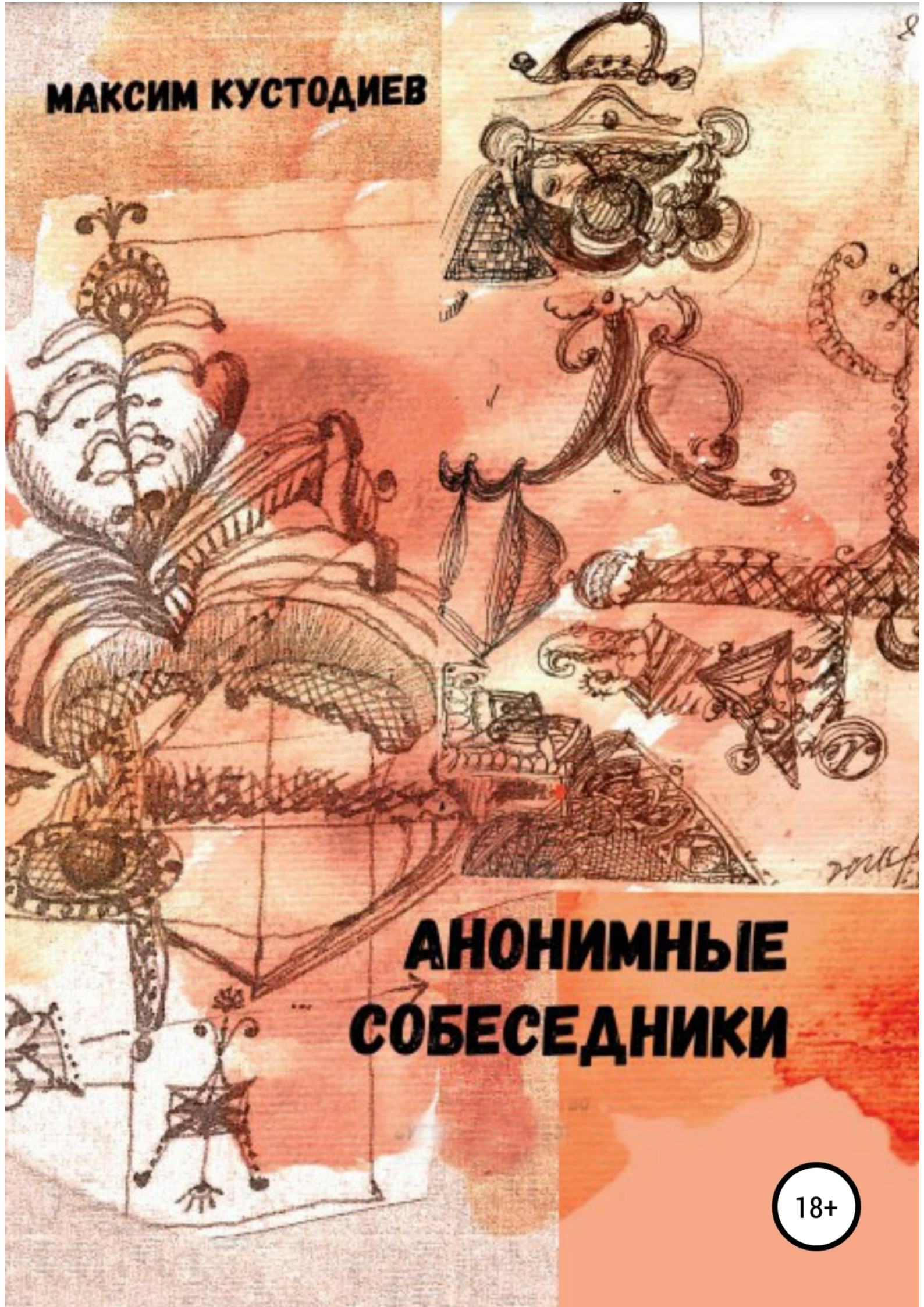

МАКСИМ КУСТОДИЕВ

**АНОНИМНЫЕ
СОБЕСЕДНИКИ**

18+

Максим Кустодиев

Анонимные собеседники

«Автор»

2018

Кустодиев М.

Анонимные собеседники / М. Кустодиев — «Автор», 2018

Сергей Данилов наделен редким талантом — он способен с высокой точностью копировать голоса людей. Мог бы сделаться знаменитым исполнителем пародий, но не сложилось. Он не стал артистом, казалось, его необычный талант никому не нужен. Но нет, Даниловым заинтересовались, его привлекли к работе важные люди, облеченные властью. На дворе лето 1998 года, в стране обостряется борьба между различными политическими группировками, и похоже, что дело, порученное Сергею, таит в себе серьезную опасность.

© Кустодиев М., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Пролог	5
Глава первая	6
1	6
2	9
3	12
4	15
5	16
Глава вторая	19
1	19
2	21
3	24
4	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Максим Кустодиев

Анонимные собеседники

Пролог

О, море в Гаграх! О, пальмы в Гаграх!.. Глядя на современную жемчужину Абхазии, все еще хранящую следы прошедших здесь боев, трудно даже представить, сколько народу толпилось на обезлюдевших нынче пляжах, какая симпатичная курортная суэта возникала среди этих пальм, у этого моря.

В августе 1980 двое друзей пили черный кофе на террасе самого модного пляжного заведения в Гагре. Только кофе, можно еще сок, а чего-нибудь покрепче – ни в коем случае. Вечером у них концерт, после – пожалуйста, но перед выступлением – ни-ни, в их ансамбле «Морская звезда» это закон. На следующий год друзья должны были окончить школу и окунуться во взрослую жизнь, огромную как море до горизонта. Предстоящее ничуть их не пугало, хотя ни один из них и, пожалуй, никто другой и представить себе не мог, как быстро и основательно начнет меняться все вокруг.

В кафе звучала музыка. Адриано Челентано. Когда песня закончилась, один из друзей, сильный, спортивный молодой человек, каких замечают девушки, включая и тех, что постарше, неожиданно встал из-за стола и держа перед собой кофейную чашку как микрофон, пропел несколько тактов. Это было так похоже на Челентано, что вокруг зааплодировали. Сергей Данилов, так звали парня, раскланялся и сел, вытянув длинные ноги.

– Твое будущее предназначено, – с улыбкой сказал товарищ. – Ты будешь артистом.

– А ты, Шурик, кем хочешь стать? – лениво поинтересовался Сергей.

Шурик Шевчук ответил не сразу. Сквозь дымчатые стекла очков он разглядывал горизонт.

– Не знаю, – протянул он. – Буду пробовать себя.

Все же за будущее его, казалось, не стоило особенно волноваться. Внешность Шурика была типичной для победителя математических или шахматных олимпиад.

Спустя восемнадцать лет Сергей Данилов стоял перед зеркалом. Он брился и думал о счастье.

Счастье имело конкретные и вполне земные черты. Данилову виделся солнечный пляж в Гагре. От пятачка кафе в обе стороны вдоль моря бежит дорога, и на обочинах ее никаких рекламных щитов – ни сникерсов, ни кока-колы, ни сигарет, обещающих свидание с Америкой, ничего, а на самой дороге, представьте, ни одного «Мерседеса» – только «Жигули», «Волги» и другие нехитрые отечественные устройства для передвижения. Это верные приметы времени наряду с запыленными лозунгами коммунистической эпохи, от которых вскоре не останется и следа. Но поскольку он на пляже, можно указать и еще одну характерную деталь тех лет – среди множества загорелых и еще белых женских тел (предмет особого изучения опытных местных парней) вы не найдете никого без лифчика.

Сергей не стал знаменитым артистом. По правде сказать, он вообще не преуспел в жизни, даже его удивительный талант никак ему не помог – нечто ценное, но ненужное, бесполезное. Однако жизнь продолжается, и все может случиться, уже совсем скоро...

Глава первая Лола и мистер Икс

1

5 июня 1998 года, пятница

Жаркое лето в Москве – это не то, что на юге, с пальмами и морем. Для чего угодно годится в такое время Москва, только не для того, чтобы здесь жить и работать. Особенно, если вам, как и Полине, на работу ехать в метро. Жарко, тесно, и многим стоило бы хорошенько помыться.

У дверей ее родной фирмы «Сирена» Полину приветствует широченный охранник:

– А, ну что, когда будем с тобой делать это?

– Как только, так сразу, – автоматически отвечает Полина.

Мимо охранника вниз в подвал. Это довольно обширное помещение, разделенное перегородками, часть его выходит окнами на другую улицу, и за счет рельефа оказывается, что некоторые комнаты как бы и вовсе не в подвале, а даже на первом этаже. Таких, хороших комнат всего две, одну занимает хозяин и директор – Игорек, другую – Николай Гаврилович. Полина занимает скромную комнатку-будку без окна. Диванчик, столик, шкафчик, какие-то журналы, блокнотик, чашка и, конечно, телефон. Хоть кричи, хоть песни пой – снаружи не слышно – звукоизоляция. Это ее рабочее место.

Номер Полининого телефона печатают всюду, где есть реклама. «Откровенный разговор... Оплачивается только телефонный тариф. Позвоните нам прямо сейчас...»

Позвоните, и вы услышите голос Полины, если в этот день ее трудовая вахта. Или с вами откровенно поговорит Нинель Ивановна, или Лиза. И для дам, которые надумают позвонить мужчине, есть отличный собеседник – Николай Гаврилович. Все как у взрослых. Только мало кто знает, что абонент этот находится не где-нибудь в Германии или Венгрии, а в небольшом переулке рядом с Трубной площадью, в центре Москвы.

Николаю Гавриловичу за шестьдесят. И нельзя сказать, что он выглядит моложе. Едва ли его собеседницы представляют себе это дряблое лицо, выцветшие глаза, сальные седые волосы и какие-то невозможные, похожие на ортопедические черные ботиночки, которые он носит зимой и летом. Полина – другое дело. Она, кажется, могла бы понравиться. Тонкая, на длинных красивых ногах, может быть, грудь чуть великовата, но это разве очень плохо? Прикид супер, улыбка, голос, музыкальность, а запах...

– Привет, это снова я! Ты меня помнишь?

– Конечно, я помню вас, Мистер Икс.

– Тебя действительно зовут Лола?

– Да, – сказала Полина.

– Врешь?

– Вру.

– Мне понравилось говорить с тобой. Ты ждала, что я опять позвоню?

– Во всяком случае, я очень рада.

– Понимаешь, с тобой легко, нет, не то, с тобой как с придуманной женщиной, с которой мысленно разговариваешь, ты понимаешь?

– Мне кажется, да, – сказала Полина.

– Тебе платят сдельно?

– А разве это так важно?

– Просто интересно, платят премию за постоянного клиента?

– Хорошо, я отвечаю: нет!

– У тебя такой голос, от него не оторваться. Тебе, наверное, часто звонят? – допытывался мужчина.

– Ну, нет, не часто.

– А о чем ты говоришь с ними, с этими онанистами?

– О проблемах. О работе, иногда о семье. О всяких пустяках.

– О сексе?

– Тоже. Это входит в мою работу, – сказала Полина.

Не всякого мужчину можно сексуально удовлетворить разговором по телефону. Мистер Икс удивился бы, если б она призналась, что все почти собеседники, даже сексуально озабоченные, хотят совсем не трахаться, во всяком случае, не только это; у них эмоциональные проблемы или просто нужна психотерапевтическая помощь. Не обязательно быть уродом, но, согласитесь, не всякий ведь ощущает себя первым парнем на деревне. Разве плохо поговорить с невидимой девушкой, подыгрывающей твоему воображению, с девушкой, голос которой будет звучать искренне и заинтересованно?

Такое профессиональное общение называется консумацией, впервые Полина об этом услышала от Николая Гаврилыча. Консумантки в ночных клубах развлекают беседой посетителей, нечто похожее, наверно, делают японские гейши. А вот Полина старается по телефону. Спрос на такие услуги все больше, хоть это и дорого. Потому что людям не хватает общения, внимания, не хватает любви.

– Наш прошлый разговор был очень откровенным, как ты считаешь? Ты помнишь, о чем мы говорили? – спрашивает Мистер Икс.

– Вы имеете в виду мои школьные воспоминания?

– Да, как мальчики... тискали тебя в этом бассейне.

– В раздевалке, – уточнила Полина.

– Я так ясно представлял себе все. Твой голос у всех твоих клиентов вызывает такую реакцию?

– Реакцию?

– Или эрекцию. Ты не проверяла?

– Я говорила, ни с кем из клиентов я никогда не встречалась. Это правда.

– Тебе действительно 23 года?

– Да, 23.

– А мне 42. Давай поговорим обо мне. Как ты представляешь себе меня?

Ему, как минимум, на двадцать лет больше, догадывается Полина. Но она с готовностью включается в игру, рисует привлекательный портрет своего, как он сам говорит, анонимного собеседника. Легко! При этом Полина как бы отключается, и ее, кажется, большая часть сознания остается не занятой беседой. Будь иначе, Полина сидела бы после каждого разговора вся в слезах и в соплях, а, может, и вымерла бы от психологических нагрузок. Но она же актриса, она умеет отключаться и, например, что-то оживленно обсуждая с клиентом, воображать, как она идет по освещенной сцене навстречу наградам, овациям и всему прочему, с чем связан профессиональный успех. Ее окружают корреспонденты, суют микрофоны... «Моя жизнь – это театр!» – говорит она с улыбкой.

Полина не против самого откровенного разговора. Ее это не испортит. Подумаешь, слова! Почему и не поболтать, тем более по телефону. Если платят, и неплохо. Но перейти от слов к делу – вот уж нет! Многие клиенты хотели бы встретиться, но нет, спасибо. У Полины все в порядке в личной жизни: вполне клёвые персонажи, хорошо одетые, следят за своими зубами. Зачем ей приключения? И еще в театре узнают, чем она здесь занимается! Конечно, она просто

играет роль, и все это полезно для профессии, конечно, все без предрассудков, но тише едешь – дальше будешь.

* * *

– Понимаешь, Лола, разговаривая с тобой, я все лучше узнаю себя сам. Я не такой, каким привыкли видеть меня люди. Меня знает очень много людей, все время преодолеваю искушение похвастать и рассказать о себе. Нет, это было бы нехорошо, это испортило бы прелесть анонимного общения. Только так, не встречаться, не представляться, Лола и Мистер Икс, чудесные цирковые имена. Достоинства, я прочел недавно в одной книге, теряют блистательность, если их можно потрогать, а фантазия искуснее, нежели зрение. Да и вообще, не случайно ведь в рыцарские века культ Дамы предполагал ее недосыгаемость как нечто само собой разумеющееся. Ничего, что я так часто звоню тебе? Понимаю, ты только рада, в конце концов, это твоя работа. Нет, мне совсем не жаль своего времени. За всю жизнь я уже столько его растерял, когда долго ждал, долго ехал, проводил скучный вечер в компании. По большому счету, это не важно. Можно ведь очень эффективно проводить время, но в итоге прожить не свою жизнь. А с тобой... ты б удивилась, если бы узнала, какой я занятой человек, как выкраиваю каждую минуту, чтобы позвонить тебе. Потому что этот твой голос, Лола, твое умение поддержать мужчину – от тебя не оторваться! Нет, нисколько не преувеличиваю. Тебя, обучали каким-то навыкам общения? Не обучали? Значит, у вас отбирают талантливых по этой части, это даже легче, чем обучать; другие, неталантливые в общении на твоём месте не задерживаются. И вот, благодаря твоим способностям к разговору ты фактически держишь меня на проводе!

* * *

Голос мужчины, проходя мембрану, превращается в электрический сигнал, невидимый ток бежит по шнуру, по бледным виниловым проводкам с просвечивающими медными жилками, затем на лестничной площадке натывается на контактную панель, и дальше скрученные в кабели провода несут сигнал на станцию, и оттуда сложными путями уже по другим кабелям и проводам, по трубам, подземным колодцам, по дну засыпанных траншей сигнал достигает комнаты, где трудится Полина, и превращается в голос ее собеседника.

Но надо сказать, что в самом начале пути, на стене, рядом с закрытой металлической дверцей контактной панелью, электрический сигнал преодолевал и не совсем обычное препятствие. Это небольшой предмет, продолговатая черная коробочка с палец толщиной, с тремя торчащими из нее тонкими проводками. Два из них подключались к разрыву в цепи, а третий был не чем иным, как передающей антенной.

2

6 июня 1998 года, суббота

Работа у Валентина Петровича Тузкова не пыльная. Он встречается обычно со вполне цивилизованными людьми, происходит это, как правило, в приличных, хорошо оборудованных помещениях. Если требуется куда-нибудь выехать из Москвы, то оформляется эта поездка с достойным комфортом. Валентин Петрович привык к хорошей мебели, хорошей кухне, хорошему к себе отношению. Поневоле перестаешь все это замечать и ценить.

И чем же Валентин Петрович занимается? Беседует с людьми, принимает участие, соглашается, обещает подумать, иногда протестует, словом, решает вопросы. Он – политик, глава политдвижения «Общее дело». И, представьте, он нужен людям. В офисе у него висят плакаты, на одном Тузков изображен в обнимку с нищей старой женщиной, на ее лице страдание, на его – деятельное сочувствие. Он не хотел пускать это в тираж, Тузков противник показухи, но Шевчук тогда настоял, сказал, хорошо для рейтинга. А ведь Валентин Петрович действительно многим помог. Собственно, это неизбежно для политика его уровня: хочешь – не хочешь, а все равно очень многие будут тебе благодарны. Да, что ни говори, В. П. Тузков – это имя кое-что значит! Никому, однако, не интересно, какой он, Туз-ков, на самом деле. Взял на себя роль симпатичного парня, и, пожалуйста, соответствуй. А что у него внутри, никто и не догадывается.

Валентин Петрович внимательно слушал магнитофонную запись, вернее, делал вид, что слушает, а сам исподтишка с любопытством наблюдал за Чудовским, своим соратником. Интересно, какую реакцию ждет от него непроницаемый Чудовский? Они сидели друг напротив друга за большим, овальным столом для совещаний в кабинете Тузкова. Сквозь кремовые занавески с улицы проникал рассеянный свет. Соратник в задумчивости вертел в руках дорогую шариковую авторучку. Безобиднейшая, в сущности, привычка – что-то крутить в руках, но почему-то вызывает раздражение, думал Валентин Петрович, уж лучше бы он ногти грыз, как Левин.

Чудовский Алексей Алексеевич... Туловищем он не вышел, чересчур коренаст. А лицо хорошее, располагающее. Добродушное и в то же время себе на уме. Немолодое. Какого он года, сорок четвертого, кажется? Что, вообще, Валентин Петрович знает о своем верном помощнике?

Полковник КГБ, уволенный в отставку неизвестно при каких обстоятельствах. Женат или был женат, но с женой не живет. Двое взрослых детей, кажется, сыновья. И так, чего не коснись. Никакой определенности. Даже фамилия Чудовский не обязательно подлинная. Ни про кого из своих людей Валентин Петрович не знает настолько мало! И как тому это удастся, так маскироваться! Ведь четыре года они уже вместе, срок, как ни крути, не малый. Чудовский всегда спокоен, приветлив, всегда и со всеми на «вы». Но это не чопорность или что-то подобное. Просто такой стиль, современный такой, симпатичный стиль отношений. Это раньше партийные бонзы тыкали всем без разбора. Сейчас не так. Валентин Петрович Тuzков тоже со всеми на «вы».

– Вы уже это слушали, много там еще?

– До конца стенограммы девятнадцать минут.

– Текст-то довольно нейтральный, – протянул Валентин Петрович.

– Пожалуй, так, – сдержанно кивнул Чудовский, – но сам факт представляет интерес.

Еще бы, подумал Валентин Петрович, его заклятый соперник Козинец в откровенных пассажах с какой-то шлюхой, Это, согласитесь, нечто!

– И давно длится этот роман по телефону?

Чудовский прекрасно понял скрытую суть вопроса. Валентин Петрович на словах давал ему, своему помощнику, полную свободу действий, но в то же время чрезвычайно обижался, если не получал доклада о каждом шаге. В данном случае оснований для недовольства быть не могло – он сам прослушал первую запись только вчера вечером.

– Мы фиксируем разговоры два дня. Когда они начались, в точности не скажу, вероятно, давно, но не более двух месяцев назад.

– Откуда известно?

Козинец беседует с одной и той же девушкой, с Лолой. Она нами установлена, работает в фирме два месяца.

Тузков встал, прошелся вдоль длинного стола и, отодвинув занавеску, стал разглядывать привычный московский пейзаж. Сейчас хорошо бы закурить, задумчиво вытянуть сигарету, щелкнуть золотой зажигалкой... Валентин Петрович давным-давно преодолел эту вредную привычку, и курить совсем не хотелось. Но, исходя из композиции, закурить сейчас было бы очень даже уместно.

– Ай да Козинец! Надо же, свалится такая удача, и думай, что с нею делать, опять же заботы.

– У вас, Алексей Алексеич, какие идеи? – он повернулся к соратнику. – Подкинуть газетчикам, и делу конец?

– Смотря, что считать концом, – невозмутимо ответил Чудовский.

– Конец, сказал отец, – задумчиво пробормотал Тузков, – и дети ложки побросали... А как вам удалось получить это?

Стоит ли загружать вас техническими подробностями?

– Кто еще в курсе?

– Вот все, – Алексей Алексеевич обвел рукой кабинет, где они были вдвоем. – Не считая моих людей, задействованных в работе.

– Может, обсудим это с Командой, в узком, как говорится, кругу?

Чудовский пожал плечами:

– Вопрос очень деликатный...

– Дружище, ваше стремление решать все вопросы келейно доходит уже до странного. Если уж Команде не доверять...

– Мне приходится никому не доверять, положение обязывает, – возразил Чудовский. – Но если вы настаиваете, я подготовлю рабочую встречу.

– Да, дружище, – улыбнулся Тузков, – по-моему, это будет то, что надо. И большое спасибо вам от лица нашего «Общего дела».

Религиозность – удел слабых, Лола, это их утешение. Я никогда не верил в Бога, так нас воспитывали, ни в каком виде, ни в белобородого старца, ни в высший разум. Предназначение? Раньше я считал, что это выдумка мистиков. Я сам создаю свое будущее, балансируя между планами и возникающими обстоятельствами. В моем будущем вообще не было никогда никаких неожиданностей, в каждой своей фазе оно есть продукт соответствующего прошлого, все расписано, спланировано, все осуществлялось. Теперь? И теперь продолжает осуществляться. С детства я как в колее, никуда нельзя свернуть, да и не хотелось. Заранее ясно, кем быть, куда поступать учиться, с кем дружить. Надо идти по стопам отца, опираясь на его советы, на его связи, и с каждым годом становиться все более похожим на него. Я шел, и многого достиг, горизонт отодвигался, всегда так, и я снова шел вперед, другого пути не знаю. Нужно было быть дерзким, агрессивным, и я был таким.

Знаешь, Лола, у латиноамериканцев есть хорошее слово для обозначения мужчины. Мачо. Это гордость, честь, за все платить, не прощать обид, женщина – это так, между прочим; обладание ею поднимает мачо в его же глазах, это ближе к власти, чем к сексу. Правда ли, что я такой? Не знаю, наверно, нет. Раньше просто не задумывался. Любая схема неточна, ограни-

ченна. Но в чем-то я такой, это есть во мне. Это есть в любом мужчине, по духу он насильник, самец. Таким был отец. Я похож на него; наверное, люди думают, что и я такой. Но я не такой. Могу признаться в этом только тебе, Лола, анонимная собеседница, и еще себе самому. Мне кажется теперь, что прожил не свою жизнь, я другой. Может быть, с кем-то поменялся судьбой, как Принц и Нищий, раньше об этом не задумывался. А сейчас? Я по-прежнему в колее, уже по самые ноздри. Бросить это все не могу. Не потому только, что тысячи людей завязаны, тут скорее инерция движения. И еще, это, может быть, главное, память об отце. Я ведь всю жизнь вынужден был поступать так, чтобы он мною гордился. Привык.

* * *

Когда мужчина положил трубку на рычаг, в соседнем подъезде в квартире на четвертом этаже автоматически отключился магнитофон.

Нина Васильевна занимала эту квартиру вначале вдвоем с дочерью, потом в течение уже многих лет одна. Муж давно умер, дочь вышла замуж, сейчас живет в Киеве, в столице другой страны.

В ее небогатую событиями жизнь молодой веселый оперативник с Петровки ворвался как романтический герой. Она, конечно, не сразу впустила его, изучила как следует красную книжечку, даже записала фамилию. Павел, так его звали, поначалу расспросил, обо всех соседях, кого она знает. Долго же пришлось ему слушать, она-то всех в своем подъезде знает. Нина Васильевна догадалась, что его интересует кто-то определенный, но прямо спросить он не решается.

Через день Павел заявился снова, принес вафельный тортик. Вместе посмотрели они «Санта-Барбару», выпили чаю. Нина Васильевна с радостью согласилась помочь милиции. Спасибо за доверие. Она, если надо, могла бы и посмотреть за кем-нибудь, хоть из окошка. Но, выяснилось, не надо. Магнитофон у нее Павел оставил – ничего не трогать, не выключать. И пошла писать автоматика. А Паша стал наведываться, кассеты менять. Заходит-то все с гостинцами, чаек, тары-бары. Нина Васильевна понимает, что это одни реверансы, охота ли ему со старой волчицей чай пить. И опять же, конспирация – а вдруг в этот самый час кто из соседок нагрянет, увидят его, и что им скажешь? А мы чего-нибудь наврем, смеется Паша. И сверкает своими белыми ровными зубами.

3

9 июня 1998 года, вторник

Шурик Шевчук, как только прослышал про излучение радиотелефона, сразу же купил удлинитель. Вставляешь в ухо фиговинку, а «Эриксона» подальше от головы – и никакого тебе опасного излучения. А звонят Шурику всю дорогу! Все встречи ведь на нем: телевидение, пресса, просители, избиратели, прихлебатели, холуи всякие, все на нем. Голову надо беречь. Вас ждут великие дела, граф! Сегодня он третий человек в Команде, а кое в чем, можно сказать, и второй, считая самого В. П. Тузкова!

Полный достоинства мраморный подъезд с вывеской «Общее дело» хорошо известен в Москве, да и во всей стране – ведь его так часто показывают в телерепортажах. Припарковав свой неновый «Пежо» у подъезда, облепленного дорогими машинами, Шевчук отмечает скромный облик своего автомобиля, просто отмечает про себя, не более того. Он без напряжения мог бы купить себе «Ягуар». Любое, скажем, интервью с В.П. стоит и десять, и пятнадцать тысяч долларов. Не говоря уже о других денежных делишках, которые проходят через Шурика. Но ему не нужна шикарная машина. Пока не нужна.

Совещание назначено на 11.00. Сейчас все подтянутся, у них не принято опаздывать. Чудовский завел военную дисциплину. Что будет, если опоздать? Накажут? Смешно как-то. Но пока еще никто не опаздывал.

Через залитый солнцем вестибюль перемещает свое крупное тело Ольга Федоровна Прокопчик, специалист по наговорам и дурному сглазу, важный человек в Команде. В какой-то удобный момент Шурик поинтересовался, верит ли сам В.П. во всякую хиромантию и другую продукцию мадам Прокопчик. «Не знаю, – добродушно рассмеялся тогда В.П., – хотя, говорят, эти штуки помогают и тем, кто не верит!»

Шевчук не верит. Но надо признаться, если говорить о судьбе, то в этом что-то есть. Возможно, какие-то провидцы способны проникать в высший замысел. Только не госпожа Прокопчик, она-то уж точно не способна!

Ощущение судьбы может возникнуть вдруг, ни с чего. Шурик уверен, что сегодняшней день для него очень важен, что-то случится, пока неясно, что именно, но это ощущение чего-то важного и, пожалуй, опасного сидит в нем с самого утра.

А вот и Левин, тоже фигура в Команде. Его сфера деятельности отчасти касается прессы, ТВ, то есть того, чем занимается Шурик. Но они прекрасно ладят, ведь по сути роль Левина сводится к поиску нужных людей, а идеология – это уже дело Шурика. У Левина нужные люди есть всюду, и он нужен всем, этаким местный «фигаро». Финансы, зарубежные и региональные представительства «Общего дела», гостиницы, путевки, авиабилеты, стоматологическая помощь на дому – всюду «фигаро», очень удобно и никогда никаких сбоев. Иначе нельзя, Чудовский, этот вояка, не потерпит никаких сбоев.

– Привет, Леонид Ильич! – здороваются Шурик. – Что вы думаете об опасности международного сионизма?

– Не будем ее преувеличивать, – равнодушно откликается Левин и сморкается.

Хронические свои сопли он словно упаковывает в платок, тщательно складывает его, прежде чем запрятать в карман. Такие манипуляции с платком проделывают фокусники, отвлекая внимание зрителей. Что это, безотчетно проявляемая увертливость? И чувство юмора у него присутствует, не то, что у мадам Прокопчик.

– Ольга Федоровна, вам удивительно идет это платье, вы и вчера, кажется, в нем приходили, – замечает Шурик, переключаясь на мастерицу экстрасенса.

– Похвальная наблюдательность, – отвечает она, настораживаясь; от Шевчука только и жди злых насмешек.

Втроем они поднимаются по торжественной мраморной лестнице в центральный офис В.П., штаб-квартиру «Общего дела».

– Вот если бы вы были легкомысленной девушкой, Ольга Федоровна, я бы знал, почему вы не переоделись, – монотонно рассуждает вслух Шурик. – Не сумели попасть домой из-за неожиданных любовных приключений; первое, что могло бы прийти в голову. Но вы ведь не легкомысленная девушка...

Госпожа Прокопчик не девушка, ей уже за сорок, и она не казалась чересчур привлекательной.

– Александр, ну что вы себе позволяете? – вяло возражает Ольга Федоровна, поддерживая опасный диалог.

– А что я себе позволяю? Можно подумать, я вас по попке похлопал, уже и пошутить нельзя! – удивляется вроде бы Шурик, а сам заговорщицки посматривает на Левина. Но Леонид Ильич умеет казаться непроницаемым.

Мраморная лестница, светлый широкий коридор – все это вполне прилично, но внутри, в офисе В.П. уже по-настоящему хорошо.

– Господа, – негромко заговорил Тузков, когда все расселись, – мы с Алексеем Алексеевичем хотели бы предложить вашему вниманию не вполне обычный материал. Прежде, чем вы его услышите, хочу предупредить о полной и безусловной конфиденциальности всего, что с этим связано. К нам попали стенограммы телефонных разговоров известного вам Ивана Дмитриевича Козинца с дамой из фирмы специфических телефонных услуг.

Валентин Петрович наслаждался эффектом: все восторженно и с воодушевлением ждали продолжения. В этом виделся не только естественный интерес ко всяким скандалам, но и искреннее радение за дело. Ведь они все вместе – Команда. Разве уничтожение его главного политического соперника не есть их общее дело?

– Предлагаю ознакомиться со стенограммами и обсудить варианты их использования.

– Речь идет о результативной компрометации Козинца, – рубанул Чудовский. – Можно делать пометки, – добавил он, – но прошу их с собой не уносить.

Вот так, как в детском саду.

Они слушали пленку впятером, сидя за огромным овальным столом из карельской березы в кабинете Тузкова: Чудовский, О. Ф. Прокопчик, Левин, Шурик Шевчук и сам хозяин.

– Давайте сделаем паузу, – предложил Тузков, и Чудовский послушно остановил запись. – Обменяемся пока первыми впечатлениями, там еще минут на пятнадцать, все такое же, потом можно будет послушать еще не раз.

Валентин Петрович сознательно приглушал голос, ему нравилось, что собеседники ловят его слова с напряженным вниманием.

– Не могу представить себе господина Козинца в такой роли, – задумчиво сказал Левин.

– Да уж, – отозвался Шурик, – легче представить нашу Ольгу Федоровну, идущую вечером в гости с десятком контрацептивов в сумочке.

– Оставим это, Шевчук, – сказал Валентин Петрович. – Лучше поделитесь вашими впечатлениями.

– Клубнички не хватает, – заявил Шурик. – Может на той части, что мы не дослушали, есть погорячее?

– Горячее нет, – сказал Чудовский. Могло показаться, что он принимал вину за это на свой счет.

– Хотя бы об анальном сексе... – мечтательно сказал Шурик.

– Я согласна с Шевчуком, – неожиданно поддержала Ольга Федоровна. – Сам текст недостаточно острый. Остается только факт разговора с проституткой.

– Это не проститутка, – уточнил Чудовский.

– Тем более.

– Но славы Козинцу это не прибавит, – предположил Тузков.

– Не непременно, – возразила Ольга Федоровна. – Для некоторых групп избирателей его образ может даже стать привлекательнее. К тому же, вспомнят про недостойные методы, подглядывание в замочную скважину, посягательство на частную жизнь – все это мы уже проходили!

– Нам надо будет внятно объяснить происхождение пленки, – подал голос Левин. – И потом, не может ли это быть липой?

– Я задавал себе этот вопрос, – кивнул Валентин Петрович. – Что, если это подсунуто службой безопасности Козинца? Мы ухватимся, а на пленке совсем и не его голос.

– Вот, пронеслось в голове Шурика, на пленке не его голос! Затылком он вдруг ощутил дыхание судьбы, предощущение того важного, что должно с ним случиться.

– В самом деле, – сказала Ольга Федоровна, – мы обнаруживаем здесь общий тон неуверенности в своих поступках, слабость, даже невротичность, а ведь мы знаем господина Козинца совсем другим человеком. Но я не удивлюсь, если подтвердится, что на пленке именно он, такое бывает.

– Я решительно могу заверить всех присутствующих, что голос на пленке принадлежит Козинцу, – сказал Алексей Алексеевич.

– В целом текст не характеризует Козинца с негативой стороны, – осторожно заметил Левин. – Но позвольте узнать, есть ли возможность продолжить, как бы это получше сказать... в общем, подслушивание? Может быть, появится что-нибудь более откровенное.

– Не удивлюсь, если в интимном смысле это ожидание скорее всего окажется напрасным, – сказала Ольга Федоровна, перелистывая блокнот со своими записями. – Вполне вероятно, что не секс здесь главное, скорее исповедальность, элементы ролевой игры с анонимной собеседницей... Включается как бы карнавальное восприятие, меняются местами «верх» и «низ», можно то, что обычно нельзя, человек способен отключиться от всего обыденного, каждодневного, устроить себе праздник...

– Каждый день у него праздник...

– Но если я вас правильно понял, – очень тихо проговорил Валентин Петрович, – речь идет о раскрепощении невидимых друг для друга собеседников, о снятии запретов, ведь так? Тогда мы, возможно, все же услышим нечто занимательное. Разумеется, мы ни от какого компромата отказываться не станем.

В итоге все высказались за то, чтобы не торопить события и продолжить наблюдение. Чудовский заверил всех, что технически это возможно. Тем более, что компромат должен сработать в нужное время, лучше всего накануне выборов. Стоит пока подождать.

– Давайте все-таки дослушаем до конца, – предложил Левин.

Алексей Алексеевич, который, очевидно, слышал пленку не один раз, удалился из кабинета. Поколебавшись, Шурик последовал за ним. Проходя мимо госпожи Прокопчик, заглянул в ее блокнот. Она инстинктивно заслонила написанное, как школьная отличница, но Шурик успел прочесть что-то о неуверенности и зависимости от авторитета отца.

Ну, держитесь, господа хорошие! Все вы тихо выпадете в осадок, когда узнаете, что придумал этот скромный парень, Шурик Шевчук.

4

11 июня 1998 года, четверг

Когда он заканчивал школу, о перестройке еще никто не помышлял, возможно, и сам М.С. Горбачев. Юноша Шевчук казался излишне прагматичным, может даже циничным, что среди нынешней молодежи, увы, не редкость. При этом Шурик наделен был многими талантами. Примеры? Пожалуйста. Еще в девятом классе самоучкой освоил шестиструнную гитару. Да, многие так. Но он и сочинял музыку, и стихи сам придумывал. Больше того, собрал ансамбль «Морская звезда» и, что уже не так типично, организовал его успешные летние гастроли по всему побережью от Туапсе до Батуми в те еще времена, когда это побережье было единым, да и едва ли не единственным пространством для отдыха огромной страны. Продумано было все: транспорт, проживание, скромные рекламные плакаты, подписаны были договоры со всеми возможными танцплощадками и домами отдыха. Множество сверстников, а также солидные мужики и тетки – все выполняли распоряжения девятиклассника.

С тех пор прошло много лет, и Александр Шевчук сделал сногсшибательную карьеру. Что ж удивительного, талант свое берет.

Шурик не считал нужным закапываться в детали придуманного им плана уничтожения Козинца. Надо просто предложить «идею века» Чудовскому, и уже вместе они разработают детали. Или, может, Чудовский возьмет эту часть дела на себя. Главное, чтобы потом не забыли автора идеи. Обращаться непосредственно к В.П. не хотелось: неясно, как он среагирует, и в любом случае без Алексея Алексеевича не обойтись. Приобщение последнего к «идее века» удобнее всего было осуществить в загородной резиденции В.П., где вся Команда собиралась в пятницу.

Накануне, в четверг, Шурик разыскал Серегу Данилова.

Старый товарищ был не в лучшей форме. Шурик привел его домой, немного рисуясь, поводит по роскошной своей квартире, угостил фруктами, затем разогрел в микроволновке форель с гарниром и, видя, с каким аппетитом Серега все умял, деликатно предложил ему денег. «Ты че, кочумай!» – отказался Данилов.

Это забытое и вдруг выскочившее словечко «кочумай», в данном случае означавшее «кончай, прекрати», а вообще-то способное передавать множество самых разных значений, вернуло обоим прежних друзей в их развеселую юность, когда они были лабухами в ансамбле «Морская звезда» и колесили по побережью Черного моря. Весь остаток вечера они отлично посидели с привезенной из Грузии «Хванчкарой», затем выпили вволю «Хеннеси», наконец, сварили в специальной песочнице кофе, совсем как тогда в Батуми.

Серега Данилов дважды за вечер удивил Шурика. Во-первых, тем, что не взял денег. Во-вторых, оказалось, что он знает толк в старинном колющем и режущем оружии, в средневековом доспехе, и почти о каждом предмете из неплохой, в сущности, коллекции Шевчука, мог рассказать много любопытного. Короче, вечер удался на славу! Что же касается потрясающего дара, из-за чего, собственно и понадобился Данилов, то здесь Шурику удивляться не пришлось; просто приятно было, что не ошибся, Серега сможет, он такой.

5

12 июня 1998 года, пятница

Лет пятнадцать назад Шурик Шевчук, молодой еще, подающий надежды лабух, в составе ансамбля Софии Ротару оказался однажды под Киевом, в угодах тогдашних первых лиц коммунистического рая. После тщательной проверки участники ансамбля попали в заповедник, где вкушали отдых эти удивительные люди. Самым большим потрясением для юного Шевчука были лады с дивчинами в красочных национальных костюмах. Эти лады курсировали по внутренним озерам заповедника, и дивчины распевали народные украинские песни под аккомпанемент гусяров. Конечно, загородная резиденция главы «Общего дела» В. П. Тузкова казалась только слабым отголоском виденного тогда великолепия. Но тем не менее...

После обеда госпожа Прокопчик расположилась позагорать у бассейна. Глядя на экстра-сенса в закрытом черном купальнике, Шурик неожиданно признался себе, что в мощных формах Ольги Федоровны что-то все же есть. Левин и В.П. занялись шлифовкой бумаг, связанных с недвижимостью в Ницце. Левину положено было доезжать до всего, что касалось финансов «Общего дела», а В.П. обожал лично редактировать текст, пройтись, как он выражался, рукой мастера. Чудовский и Шурик остались вдвоем. Момент настал.

– Алексей Алексеевич, я хотел бы поговорить с вами по поводу Козинца, – начал Шурик, зная, что собеседник предпочитает сразу же брать быка за рога.

– Валяйте, – прищурился Чудовский.

– У меня есть план, но вначале хотелось бы кое-что уточнить.

Чудовский кивнул.

– Технический вопрос. Можем мы включиться в линию и поговорить с этой телефонной барышней вместо Козинца?

– Мы? Технически?

– Да.

– Можем.

Чудовский не стал спрашивать, зачем. Но вопрос как бы подразумевался.

– У меня есть старый приятель, – Шурик сглотнул и откашлялся. – Он обладает необыкновенным даром. Даром имитации голосов.

Возникла пауза, которую никто, казалось, и не собирается нарушать.

– Любой голос он скопирует так, что не отличить! – добавил Шурик.

И все-таки Алексею Алексеевичу потребовалось совсем немного времени, чтобы оценить «идею века»:

– Хорошо! – похвалил он.

– У этого парня дар – это нечто! Понимаете, можно подготовить свой текст и сделать запись с барышней, как будто бы Козинец сам говорит, а текст такой, чтобы наверняка... – Шурик понимал, что Чудовскому не нужно разжевывать, но не мог остановиться.

Алексей Алексеевич выслушивал, не перебивая. Они прогулочным шагом сделали небольшой кружок по владениям В.П. и теперь стояли у оранжереи. Здесь, в прохладной тени свирепствовали комары, и оба машинально их смахивали.

– Не нужно будет ждать, выдаст ли нам Козинец какой-нибудь перл или нет, можно сделать любой «откровенный» разговор, хоть с «голубым»... – рассказывал Шурик.

– Вы имеете в виду секс-ориентацию?

– Ну, конечно же, – увлеченно отвечал Шурик, – голубым может быть не только небо. Ведь в этом заведении, куда звонит наш друг, обязательно есть и «голубые» собеседники, на все вкусы публики...

– Ну, допустим, – заключил Чудовский. – Посмотрим на проблему с другой стороны: будет ли молчать ваш приятель, имитатор? Нам придется ему полностью довериться.

– У него очень скромный достаток, – осторожно сказал Шурик, вспомнив, как Данилов почему-то отказался взять деньги.

– В такой игре высокие ставки, мы должны быть совершенно уверены в вашем приятеле.

– Ну, я просто думал, что есть много способов заставить его замолчать...

– Так, чтобы наверняка? – вытягивал Чудовский.

– Ну, в крайнем случае, все можно сделать, – неохотно сказал Шевчук.

– Вы религиозный человек, Александр? – он, казалось, говорил всерьез.

Отсюда, от оранжереи, открывался прекрасный вид на распластанную деревянную баню и бассейн перед ней. Едва заметный ветерок рябил воду бассейна, у края которого грелось на солнышке мощное тело Ольги Федоровны.

– Не знаю, насколько я религиозен. Это зависит от обстоятельств, – уклончиво ответил Шевчук. – Как говорят англичане, ит депендз. Если бы вы предложили, помимо экстрасенса, принять в наш штат батюшку, я, пожалуй, был бы против.

– Вы считаете, что все средства хороши? – не отреагировал на шутку Чудовский. – Считаете, мы можем распоряжаться чужими жизнями с легкостью, разве это дело не Господа Бога?

Фарисей, подумал Шурик. Он понял, что его «идея века» подверглась неожиданному испытанию. Но не он же, в конце концов, должен сделать так, чтобы Данилов не сказал лишнего; это и есть детали, которые должен бы взять на себя собеседник.

– Я маленький человек, – с деланным смирением сказал Шевчук. – А «Общее дело» – это... Нет, не Бог, но по сравнению с отдельным человеком – это высшая сила!

Лицо Алексея Алексеевича оставалось непроницаемым, но чувствовалось, что нечто подобное тот и хотел бы услышать. Не расстанусь с комсомолом, подумал Шурик, буду вечно молодым! И в порыве вдохновения продолжал:

– Козинец – наш непримиримый враг! Любыми средствами мы должны его уничтожить. Любыми! План, который я предлагаю, придуман не из любви к головоломкам.

– Вы, стало быть, согласны, что все средства хороши?

Боже мой, ну не заставит же он его, Шурика, нажимать на курок! В конце концов, это только слова.

– Да, – сказал Шурик, глядя прямо в глаза Чудовскому, – я с этим согласен!

Алексею Алексеевичу не очень нравился Шевчук, но он считал его полезным и перспективным для «Общего дела». Он был удовлетворен беседой с молодым коллегой, нечто вроде политзанятий. На это ни слов, ни времени жалеть не следует. Человек, отдельная личность – песчинка; может быть, важная, но не сопоставимая с «Общим делом» деталь. Чудовский всегда жил в такой системе координат, только «Общее дело» было другим. Сейчас все демократы, но что изменилось? А Шевчук, по-видимому, более амбициозен, чем хочет казаться. Мы как бы просто прислушиваемся к его советам, а он как бы считает, что мы исполняем его замысел. Изумительно! Но в итоге, какая разница? Идея, конечно, требует доработки, но вполне может быть использована.

Ольга Федоровна поднялась с шезлонга, потянулась всем телом, и в том, как смотрели на нее Чудовский и Шурик, можно было бы почувствовать некую мужскую солидарность. Ольга Федоровна взглянула в сторону дома, потом обернулась к ним и, показывая рукой, закричала:

– Алексей Алексеич, Александр, чай пить, самовар готов!

Шурик остро ощутил благость окружающего мира: лето, теплынь, яркая зеленая трава и блики на воде бассейна, самовар ждет – так покойно было, наверно, еще перед войной четырнадцатого года, до того, как впервые применили отравляющие газы.

– Видите ли, Александр, все не так просто, – сказал Чудовский.

Они медленно шли к дому. Алексей Алексеевич, степенный, словно академик живописи, тихо и внятно продолжал:

– Козинец звонит в агентство услуг по телефону, звонит из пустующей квартиры. Знаете, как он проникает туда, чтобы его никто не узнал?

– Как? – переспросил Шевчук. – В принципе, он не очень яркий парень, без лимузина и охраны его, может, никто и не узнает.

– Может и так, – согласился Чудовский. – Но он, представьте, устраивает маскарад. Мятая шляпа, темные очки, накладные усы, парик.

– Вот так цирк!

– Не цирк, а театр! Есть мнение, что здесь больше игры, чем конспирации. Дело не в том, что он хочет не узнанным войти в квартиру, он, будучи и один в квартире, не снимает свой карнавальный костюм. Он лицедействует, как вам это понравится!

– Узнаю почерк нашего аналитика – кандидата психологических наук госпожи Прокопчик.

– Верно, Александр, не вы один обдумывали проблему. Но представьте, то, что проделывает Козинец, не обязательно извращение. Он стремится сменить роль. Звонки в агентство – его маленький карнавал, как и парик, и темные очки. В этом, как считают специалисты, нет ничего сексуального. Ну и, наконец, «голубые» и все прочее... Сексуальная компрометация, предположим, нам удастся ее осуществить, признана не вполне надежной, если ставить себе целью убрать Козинца как политическую фигуру. Это категорический вывод.

– Тех же специалистов-аналитиков?

– Этот вывод сделал Тузков. То есть секс-компромат не помешал бы, но этого недостаточно.

– Так что же нужно? Чтобы старина Козинец кого-нибудь убил и съел?

– Это было бы лучше, – кивнул Чудовский.

На террасе уже дымился самовар. Стол, покрытый излишне роскошной белоснежной скатертью, был уставлен закусками, коробками конфет, хрустальными вазочками с разноцветным вареньем и ягодами, стаканами в серебряных подстаканниках.

Надо свалить Козинца, подумал Шурик, иначе вся эта прелесть жизни может рассыпаться.

Глава вторая

Ловушка для мистера Икс

1

11 июня 1998 года, четверг

В отличие от большинства политических партий и объединений политдвижение «Общее дело» не нуждалось в материальных средствах. Деньги поступали в основном благодаря засекреченному питерскому производству, и поступали в достаточном количестве. Проблема была в другом – как эти деньги легализовать? Применявшиеся до сего дня схемы теряли свою эффективность, более того, сама их безопасность ставилась под сомнение, и все из-за бесконечных ревизий и прокурорских расследований, инспирируемых Козинцом. В итоге Левин разработал оригинальный план отмывания денег политдвижения. Но для этого требовалось участие стороннего банка, прежде не имевшего контактов с финансовыми институтами «Общего дела» и не привлекавшего в этой связи ищек Козинца. Такой банк в конце концов был найден.

По основным показателям он относился к разряду средних, каких в то время в России были сотни. Да что в России – в финансовой империи «Общего дела» таких банков имелось два десятка. Банк был устойчивый, с хорошими оборотами, причем прибыль свою он получал не за счет операций с ГКО и других спекуляций, а благодаря тому, что обслуживал счета Таможенного комитета и ряд крупных сделок Росвооружения.

Председатель правления Вячеслав Федорович Панкин нагрянул к Чудовскому в четверг. Время было обеденное, он предложил гостю чаю, и сразу же две девицы в очень коротких юбках вкатили сервировочный столик с целой горой бутербродов, охлажденными соками и прочей чепухой. Панкин с энтузиазмом занялся бутербродами, а хозяин кабинета придвинул к себе привезенные банкиром бумаги.

Список анонимных меценатов – это к Левину, какие-то ризографы... Стоило ли из-за этого приезжать? Что это – демонстрация уважения? Разумеется, нет. Изумительно! Что же тогда за проблемы у нашего богатенького Буратино?

– Так что же у вас случилось? – проницательно спросил Чудовский.

– Случилось, – подтвердил Панкин, отодвигая тарелку. – Я, когда нервничаю, просто безудержно ем, – извиняющимся тоном добавил он.

Оказалось, что в пятницу к банкиру приходили двое, назвались «рыбинскими», Марат и Алексей. И, представьте, привел их старинный приятель, друг семьи, никому сейчас нельзя верить.

– Так вот, – продолжал Панкин, – я объяснил им на понятном им языке, что у нас есть «крыша», банк работает с милицией. Они говорят, продолжайте работать.

– И что же?

– Извините, – сказал банкир, с видимым усилием отказываясь от последнего бутерброда и стряхивая крошки с пиджака. – Да... так речь, говорят, не идет о службе безопасности. Мы, говорят, хотим предложить вам выгодные финансовые операции, здесь и за рубежом. Понимаете? Для банка это самоубийство! Не в деньгах счастье, откупиться от них еще бы можно. Но не работать же с ними! Если станет известно, что банк под «рыбинскими», нам просто не выжить, с нами не станут иметь дела. Не вам это объяснять, Алексей Алексеевич!

– Вы сказали, что подумаете?

– Естественно, сказал, что должен посоветоваться, что единолично никаких решений не принимаю и так далее. Тогда второй, который все помалкивал, хорошо одетый головорез, стал

мне угрожать. Знает, где я живу, дочь, школа, сам, мол, гуляю с собакой, в общем, ничего оригинального.

– И вы испугались?

– Не сразу. Я твердо их выпроводил. Они оставили визитку, посоветовали навести справки, в Москве, мол, их знают. Вы, кстати, знаете?

– Слышал кое-что, – равнодушно сказал Чудовский.

– Мне доложили, что это дерзкие, очень опасные люди, для которых нет никаких авторитетов, – Панкин посмотрел прямо в глаза Алексею Алексеевичу и вздохнул. – Жалко банк, да и себя, знаете, тоже. Как показывает опыт, пока чужой, слава Богу, телохранители разве что погибают заодно, вы понимаете. Одним словом, вот пришел к вам... – он сделал паузу. – Просто прошу совета...

– Кто знает, что вы обратились ко мне, за советом? – ласково спросил Алексей Алексеевич. – В банке? Ваш водитель?

– Никто! – Панкин поправил очки. – То есть знают, что я приехал к вам в офис. Но я езжу по разным адресам, жизнь продолжается. Подлинную причину визита к вам не знает никто. Я и письмецо привез, копия в банке, все, как положено, вот вы читали, о закупке ризографов.

– Очень разумная предосторожность, – похвалил Чудовский. – Мой вам совет: просто потяните с ответом этим ребятам, а там, глядишь, все и образуется.

Панкин напряженно улыбался. Ему бы хотелось услышать что-нибудь, пусть неопределенное, но более обнадеживающее, например, мы, мол, друзей в беде не бросаем. Но приходилось довольствоваться сказанным. На прощание хозяин кабинета похлопал банкира по плечу и ободряюще улыбнулся.

Алексей Алексеевич Чудовский, включая этот банк в сферу жизненных интересов «Общего дела», разумеется, собрал о нем достаточно полную информацию. Среди прочего стало известно, что банком заинтересовались «рыбинские» – набирающая силу, дерзкая преступная группировка. Чудовский спокойно наблюдал за развитием событий. Он ждал визита Панкина и был готов к нему. Независимо от этой выходки «рыбинских», так напугавшей уважаемого человека, вопрос с ними был решен. Просто в свете последних угроз решение следовало ускорить.

Тузкову он пока ничего докладывать не станет. И дело не в излишней самостоятельности, которая всегда раздражает начальство. Как раз сегодня утром у Алексея Алексеича возник вдруг с ним очень тяжелый разговор, и не хотелось теперь провоцировать его на неприятное для обоих продолжение.

2

11 июня 1998 года, четверг

Разногласия между Чудовским и Тузковым случались и прежде, но такого, как утром в четверг, после банальной, плановой встречи с рабочими авиазавода, такого раньше не бывало.

Валентин Петрович обожал публичные выступления, особенно с участием телевидения. Он увлекся, не настолько, конечно, чтобы потерять контакт с аудиторией; чувство аудитории – это был его особенный дар. Тузков много шутил, опьянел от толпы, аплодисментов, словом, чувствовал себя как оперный певец, которого без конца вызывали на бис. Ему хотелось, чтобы радость успеха разделяли с ним все, особенно в ближайшем окружении, разве это не естественно? Но реакцию Алексея Алексеевича скорее можно было назвать сдержанной. И когда они оказались вдвоем на заднем сидении «Мерседеса», Тузков спросил напрямик:

– Вам что, не понравилось?

– Не все понравилось, – признался Чудовский.

– А мне показалось, что аудитория была на уровне, я, знаете ли, испытал подъем!

– Не спорю, Валентин Петрович, вы прекрасный оратор, – Чудовский заколебался, но затем упустил момент, когда еще можно было не сказать лишнего. – Однако, находясь на подъеме, вы иногда, скажем так, теряете канву, как бы улетаете в своих импровизациях, я, поверьте, никогда не позволил бы себе таких замечаний, если бы... – он еще что-то мямлил в необычной для себя путанной и многословной манере, но Тузков почти не слушал...

Вот оно, неприязненно думал Валентин Петрович, словно бы неожиданно протрезвев. Товарищеская критика. Интересно, кому такое понравится? И знает ведь, собака, как его шеф дорожит своим душевным подъемом, обычно всегда возникающем у него после контакта с людьми. Нашел время для критики. Ему уже кажется, что Валентин Петрович у него в руках.

– Да помилуйте, ну что я там такого напутал? – обезоруживающе улыбнулся Тузков.

– Перечислять?

– Сделайте услугу.

– Ну, например, – вроде как бы поддавшись на дружелюбный тон Тузкова, понесся Чудовский, – вы процитировали Марка Твена.

– Да, и что же?

– Никогда ничего подобного Марк Твен не писал и не произносил!

– Не стану возражать, но ведь это мелочи.

– Обязательно отыщется дотошный журналист или пенсионер.

И это ведь не все. Чудовский методично стал перечислять все огрехи Валентина Петровича, устроил форменный разбор полетов, все какие-то скучные незначительные «преступления». Заметил вскользь, что место клоуна в Госдуме уже занято, о чем, впрочем, тоже можно было поспорить. Наконец, договорился до того, что образ Валентина Петровича – результат коллективного труда всей Команды, и его, мол, настораживает поспешность, с которой Валентин Петрович эволюционирует.

Почтительное отчитывание затягивалось. И как это его занесло? Конечно, роль Чудовского в «Общем деле», как говорится, не убавишь. Но ведь и Валентин Петрович не марионетка.

– Выходит, я плохо вписываюсь в придуманный вашей братией схематозоид? – саркастически улыбнулся Тузков. – Может такое быть, что вам и галстук мой не нравится?

Этот галстук, творение покойного Версачи, привезла Валентину Петровичу в подарок племянница из Лондона.

– И галстук мог бы быть скромнее, – ничуть не смутившись, ответил Чудовский. – И имидж ваш, включая галстуки, придуман нами всеми сообща, и сами вы всегда говорили не о

братии, а о Команде, к которой, я знаю, причисляли и себя. Так давайте-ка, Валентин Петрович, думать о результате, об интересах «Общего дела».

Это его-то имидж – результат коллективного труда! Можно смеяться? Да Тузков, если угодно, мог бы преподавать тренинг публичного поведения. Хороший костюм, галстук в тон, это само собой, но он мог бы научить, как в нужный момент засунуть руку в карман брюк или расстегнуть пиджак для демонстрации открытости. А рассказать кому-то, как настойчиво Валентин Петрович отработывал эту свою естественную улыбку, одно из мощнейших средств коммуникации, или популярный жест открытой расправленной ладонью, выражающий искренность... Конечно же, он прислушивался к советам, но в основном все сам, он талантливый самоучка, вот в чем дело. Да и многому ли по части имиджа может научить Команда? Тот же Чудовский? Улыбаться он, правда, умеет, осанку контролирует, но зато в разговоре, сидя за столом, постоянно вертит не имеющие отношения к делу карандашники и прочие предметы. А другой «учитель», Левин – тот вообще ногти грызет!

Он им кто, с раздражением думал Валентин Петрович, расставшись с Чудовским после неприятного этого разговора, неужели же он похож на лошадь, которую ведут под уздцы, а несчастная кляча, думает, что сама выбирает дорогу? И все бы хорошо, куда лошадь не сделает что-нибудь такое, чего от нее не ждут, тогда ее сразу же ставят на место. Нет, Тузков вам не лошадь.

Он примет меры, и незамедлительно.

Все молодые сотрудницы «Общего дела» носили очень короткие юбки, существовала среди них как бы такая симпатичная мода. Ирочка, секретарь Валентина Петровича, на несколько сантиметров опережала самых отважных модниц, и, вероятно, в этом была своя логика. Привычно полюбовавшись Ирочкиными ногами, Тузков распорядился срочно вызвать к нему Левина.

В кабинете Валентина Петровича всюду на стенах весьма приличные картины: Машков, Борис Васильев. Разумеется, подлинники. (Это первая жена приобщила его к искусству, но, если честно, у него от природы очень даже хороший вкус). И только на одной стене смонтированы его, Тузкова, предвыборные плакаты. Сделано было временно, но затем так уж и осталось.

Прохаживаясь по кабинету в ожидании Левина, Валентин Петрович то и дело задерживал взгляд на плакате, где он был снят в уверенной спокойной позе на фоне милого пейзажика с церковью.

Он не случайно выбрал Левина для этого шекотливого дела. Во-первых, лично предан, это безусловно. Во-вторых, зануда. На вопрос, как дела, не рассказывает подробностей, как положено зануде, но в остальном зануда. Другими словами, дотошный, для дела это бывает неплохо. Искренне интересуется людьми, готов всегда помочь, много друзей и легко заводит новых друзей. Идеальный шпион.

Тузков пригласил Левина расположиться за столом для совещаний и сам сел напротив.

– Ну, что, Леонид Ильич, – улыбнулся Тузков, – как дела?

– Скромно, – ответил Левин.

– Знаю, как вы загружены, – сказал Валентин Петрович, – и, все-таки, хочу доверить вам еще одно дельце, очень деликатное. На вас вся надежда!

– Так, слушаю.

– Вы, Леонид Ильич, не хуже меня знаете, что наше с вами детище, наше «Общее дело» переживает период подъема, уместно сказать, экспансии, люди идут к нам, особенно в регионах, – Тузков говорил в своей излюбленной манере еле слышным голосом, и Левин ловил каждое слово. – В такое важное время ядро партии должно представлять собой монолит, вы согласны? Но готовы ли мы, положив руку на сердце, сказать, что все у нас в полном ажуре? Нет, не готовы. Почему? Да потому просто, что мы не знаем. Не знаем наверняка. Беда в том, Леонид Ильич, что часть наших безусловно преданных людей, часть Команды не может

никак прийти к открытости, к прозрачности, по настоящему необходимой на данном важном этапе. Сказывается инерция прошлого, отсюда это стремление что-то скрывать, недоговаривать, нагромождать тайны, как если бы рядом с тобой были не самые близкие люди, а потенциальные противники. Не стану ходить вокруг да около, надеюсь, вы уже понимаете, о чем я хочу вас просить.

Левин молчал.

– Леонид Ильич, мне известны ваши исключительные способности по части контактов с людьми, – сказал Тузков, внимательно изучая лицо собеседника. – Очень прошу вас, разузнайте стороной, что там происходит у Чудовского. Он отличный парень, но вы же знаете чекистов, как бы не напороли чего эти любители быстрых решений.

– Вы имеете в виду Козинца? Эти стенограммы?

– А хоть бы и Козинца! Представляете, фигура такого масштаба. Вообще, хотелось бы знать, чем он дышит, этот Чудовский. На вас вся надежда, – повторил Тузков, изображая полную беспомощность.

Валентин Петрович знал, что никакой особой приязни между Чудовским и Левиным не существует. В Команде могут сообща работать люди, которые совсем не симпатизируют друг другу; всеобщая гармония ничуть не обязательна. Достаточно, если есть общие взгляды на жизнь, на результат труда, и довольно. И, конечно, неплохо, если все люди положительно относятся к лидеру, то есть, к Валентину Петровичу. Это совсем неплохо.

– Ладно, – сказал Левин, – я подумаю. – Он забарабанил по столу тонкими, вполне симпатичными пальцами с обгрызенными ногтями. – То есть, подумаю, как это сделать. Я постараюсь.

3

3 июня 1998 года, суббота.

Дутиков Георгий Леонидович был известен в бандитских кругах под прозвищем Сори; откуда это прозвище взялось, мало кто уже и помнил. Сори был немолодым расплывшимся человеком, его светлые глаза редко улыбались. Он всегда с подчеркнутым уважением говорил о ворах в законе, не одобрявших шика. Сам он, однако, одевался в очень дорогих магазинах, от него исходил запах изысканного одеколона, да и офис его в центре Москвы, навороченный «Мерседес-600», а для тех, кто мог там побывать, его квартира и дача – все поражало шиком и говорило не только о преуспевании, но и о нежелании хоть сколько-нибудь его скрывать. Это для дела, объяснял Сори, клиенты предпочитают состоятельных, внутренне же, как можно было понять, вся эта мишура ему чужда. Вероятно, существуют закрытые данные о количестве россиян, так или иначе связанных с преступным бизнесом. Однако едва ли они будут точны, ибо как учесть каждую пожилую мать или сестренку – студентку, которых материально поддерживает рядовой боец оргпреступной группировки? Не будет преувеличением сказать, что число граждан, связанных с преступностью, воистину огромно. И потому люди, подобные Сори, легко, как рыбы в воде, ориентирующиеся и в преступном, и в легальном мире, одинаково принятые и здесь, и там, необходимы и полезны многим. Сори, к тому же, был известен своей миротворческой деятельностью – раз за разом он улаживал конфликты между группировками, помогал решать проблемы с прокуратурой и МВД, не говоря уже о таких мелочах, как возврат похищенной автомашины. Для бывалых, «синих» уголовников Дутиков был почти своим. В то же время, встречаясь с серьезными иностранными коммерсантами, он легко вступал в разговор и, начиная со знанием дела обсуждать вопросы, скажем, стивидорских расходов или снижения налогов, мгновенно преодолевал скользкое впечатление от своей внешности, которая, как ни крути, выдавала человека с большим лагерным стажем. Именно к Сори обратился Чудовский с просьбой уладить проблему с «рыбинскими».

В субботний полдень Дутиков, он же Сори, принимал в своем шикарном офисе двух посетителей. Разговор был нелегким. Эти двое, молодые, худощавые, вели себя развязно. Оба развалились, фактически лежали в расслабленных пляжных позах, в мягких кожаных креслах Полтрона Фрау, оба курили какую-то дрянь, пепел стряхивали на дорогой, под стать креслам, персидский ковер. Сори терпел это непринужденное хамство, от которого он, общаясь с воспитанными людьми, стал уже отвыкать. Хотелось верить, что в поведении гостей не было ничего нарочитого, что заставляло бы думать о личном оскорблении. Сори долго ходил вокруг да около, но когда разговор зашел о конкретном деле, из-за которого этих двоих и пригласили, стало ясно, что они все попросту теряют время. Немного потерпев, речь Дутикова совершенно невозможным тоном перебил один из них, более авторитетный, которого звали Марат. Он сказал, что уважает Сори, иначе, они бы не приехали. Но уважение должно же быть взаимным или как? Ну, разумеется, солидно согласился Дутиков. Тогда нечего тереть; Панкин, объяснил Марат, это их человек, захочет Панкин или не захочет, ему придется согласиться. И дальше последовал обычный кровожадный текст о том, как они могут наказать банкира. Ни на что уже не надеясь, Сори, однако, отрабатывал свою миссию до конца. Спокойно и с очень большим тактом он постарался объяснить, что заинтересованные в Панкине серьезные люди хотят решить вопрос мирно, готовы хорошо заплатить, и было бы вполне нормально, если бы Марат отступился. Но ответ этих двоих уже читался на их упрямых рожах. Вот дурачье, куда лезут, подумал Сори, поднимаясь из-за стола проводить гостей. Ну, чтобы без обид, улыбнулся на прощание Дутиков, обнажив парочку разноцветных металлических зубов. Будучи совершенно небедным человеком, он считал почему-то возможным не думать о своих зубах. Парни заверили, что обид никаких нет. Нельзя сказать, чтобы для Дутикова это имело какое-нибудь зна-

чение – мысленно он уже списал этих двоих, сами виноваты, сами они выбрали себе путь к последнему причалу.

Вернувшись к столу, Сори сразу же позвонил, причем воспользовался не офисным аппаратом, а своим сотовым. Говорят, у «Билайн» надежная защита от прослушивания. Хотя, что прослушивать – разговор самый что ни на есть невинный.

– Алексей Алексеевич? Это Дутиков беспокоит.

– С чем вас можно поздравить? – сразу же спросил Чудовский. Он обычно обходился без преамбулы.

– Все по графику, Алексей Алексеевич. Презентация во вторник, очень рассчитываю на вас, зная, как занят Валентин Петрович...

– Ваше мероприятие у него в плане записано, обязательно будем, Георгий Леонидович, не беспокойтесь.

Собеседники распрощались. По сути диалог этот означал, что посредничество Сори в деле банкира Панкина провалилось. Теперь Чудовский примет свои меры.

В это время Марат и его напарник Леха застряли в пробке на набережной. Но они не торопились, до следующей стрелки на Юго-Западе оставалось еще больше часа. Среди замерших в пробке машин была и ничем не примечательная бежевая «2108» с двумя пассажирами. Любопытно было разве лишь то, что приемник заурядной магнитолы «Дайва» в этой «восьмерке» был настроен на 88 мегагерц; на этой волне принималось излучение миниатюрного датчика, еще неделю назад заложенного специалистами Чудовского в темно-зеленый «БМВ» Марата. Поэтому те, что сидели в «восьмерке», слышали, о чем переговаривались Марат и Леха, знали, куда и к которому часу они направляются.

Марат и Алексей болтали о всяких пустяках. Чего здесь тереть, кто такой Сори? Говорить он мастер, но, как и все, уважает силу. Никто против их воли не попреет, охота была связываться, размышлял вслух Марат. Они, «рыбинские», сейчас на подъеме, вся братва по Москве их знает, со всеми они в ладах, разве только «костромские», но этим-то они рога скоро пообломают, факт. Они, «рыбинские», стали реальной силой, давно уже переросли свой скромный провинциальный уровень. Им нужен Панкин, нужен серьезный банк, Марат понимал это как никто другой. Зря Панкин ломается, ведь они же хотят работать честно.

В центре Москвы пробки, не проехать, а на проспекте Вернадского машин было мало. Однако Марат, а за рулем «БМВ-750» был именно он, не особенно нажимал на газ. Издали заметив стоящую у тротуара «Волгу» ГАИ, Марат еще и сбросил скорость. Но гаишник все-таки поднял свою палку. Ничего удивительного, «БМВ-750» тормозит всякий, кому не лень, авось словит чего на бедность. Молодой мент сидел за рулем «Волги», а этот с палкой, старший лейтенант, солидно подошел к «БМВ». Марат нажал кнопку и опустил стекло. Гаишник козырнул, давай, мол, ему водительское удостоверение, техпаспорт. Марат протянул документы в окно, лейтенант взял их, но не стал рассматривать, а вместо этого сунул башку в окно, в прохладный кожаный салон «БМВ», наполненный кондиционированным воздухом.

– Что везем? – спросил мент. – Оружие, наркотики имеются?

Марат, который терпеливо глядел прямо перед собой, со вздохом повернул голову к дурачине-менту. Он хотел ответить, но так и застыл с открытым ртом. Чуть не в лицо ему упирался ствол. «Глок», 9 миллиметров, узнал Марат.

Грохот выстрелов услышали в машине прикрытия, фасонистой «девятке» последней модели, притормозившей метрах в пятидесяти от «БМВ» и ментов. Сидевший за рулем «девятки» молодой человек не был похож на бандита. Он был скорее изящного, чем спортивного сложения, его аккуратные светлые волосы были слегка напомажены. Безукоризненный летний костюм от Армани, галстук в полоску, солнцезащитные очки не менее, чем за четыреста долларов, даже руки его, спокойно лежащие на руле, были холеными, с лаком на ногтях.

Услышав выстрелы, похожий на манекен водитель «девятки», моментально врубил передачу и так резко дернул машину с места, что его напарник ударился крепким затылком о подголовник. «Волга» ГАИ вместе со вскочившим в нее старшим лейтенантом рванула по проспекту, «девятка» с двумя бандитами помчалась следом, на секунду, не более, притормозив возле «БМВ». Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что Марату и Лехе уже ничем не поможешь.

«Волга», получив небольшую фору, уходила вперед на бешеной скорости, на ближайшем перекрестке менты резко свернули направо, на улицу Удальцова, и, скорее всего, этих ментов или кто бы там они ни были, удалось бы достать, если бы не лох на «жигуленке» шестой модели.

Старый козел словно не знал, что есть зеркало заднего вида; он спокойно рулил себе в правом ряду и вдруг, как нарочно, резко крутанул влево. Столкновение было неизбежно – сто процентов! Но «манекену» удалось сделать чудо. Резко вывернув, он боком проскользил по встречной полосе, выровнял машину, но с силой ударился о бордюрный камень тротуара левым задним колесом. Пришлось остановиться – колесо от удара лопнуло. Ментовская «Волга» была где-то далеко впереди, а лох на «жигуленке» слегка притормозил, очевидно, услышав шум сзади, а затем, не останавливаясь, покатил дальше. Тот, что сидел рядом с «манекеном», выхватил «волыну» и хотел было выскочить из машины.

– Брось, не горячись! – внушительно сказал «манекен», сжав плечо напарника своей холерной рукой.

– Замочил бы гада! – выдавил напарник.

– Найдем, если надо будет, – сказал «манекен». Он навсегда, кажется, запомнил номер ментовской «Волги», если только они менты, и номер этого старого лоха, если только он не специально канает под старого лоха – надо же, так грамотно перекрыл им дорогу!

Номер «Волги» был поддельный, можно было не трудиться запоминать его. А вот со стареньким «2106» было иначе. Эту машину украли накануне ночью у пенсионера Сыркина, заявление еще не поступило в милицию. Хозяин ничего не знал о пропаже, он еще вчера был задержан в нетрезвом виде и только сейчас, переночевав в отделении и едва придя в себя уже в середине дня, возвращался, наконец, домой. Михаил Никитич Сыркин, одинокий пьяница, проживал в небольшой квартире на 4-й Фрунзенской улице, а его сын Вова, по кличке Сырок, прописанный там же, жил совсем в другом районе и числился бригадиром «костромской» преступной группировки.

Чудовский знал, что месть со стороны людей Марата неминуема. И, конечно, важно было пустить ее по ложному направлению, подальше от Панкина или Сори. Этот неочевидный след в виде автомашины, так удачно заблокировавшей дорогу, обязательно должен был привести к «костромским», с которыми у «рыбинских» старая вражда.

4

13 июня 1998 года, суббота

В Москве с утра уже становилось жарко, и думать хотелось только об отпуске. Ничего подобного пока не предвиделось – работа, работа... Сходить в ресторан, представьте, это тоже может быть работой, даже особо важным заданием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.